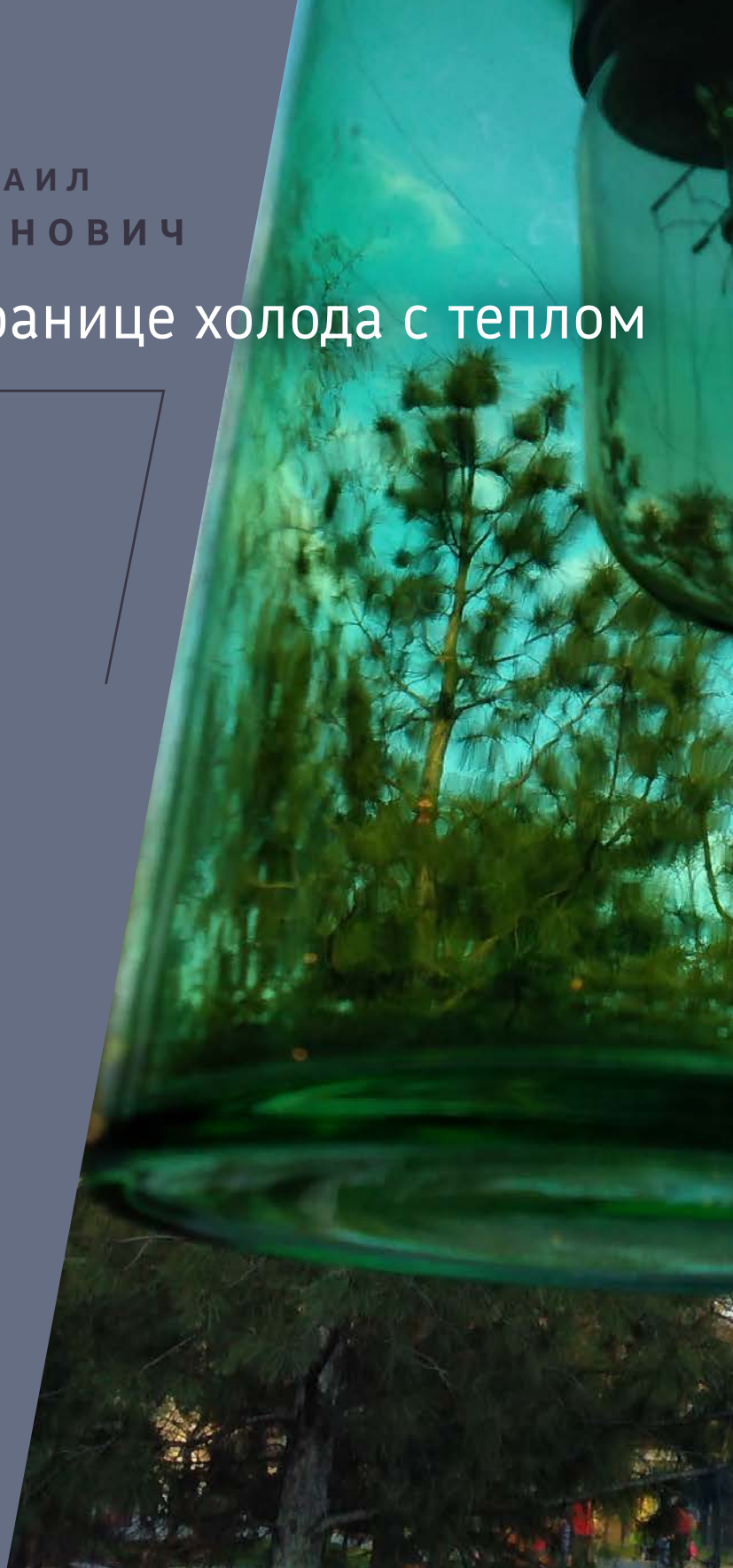


МИХАИЛ
РАБИНОВИЧ

На границе холода с теплом





Михаил Рабинович

**на границе
холода
с теплом**

Бостон • 2025 • Boston

Михаил Рабинович. На границе холода с теплом
Mikhail Rabinovich On the borderline between cold and warm


Copyright © 2025 by Mikhail Rabinovich


All rights reserved. No part of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by an information storage and retrieval system without permission in writing from the copyright holder.

ISBN 978-1-960533-41-8 (Paperback)

Book design by Sonia Kobrinska
Cover design by Mitya Kobrinsky
Cover photo by Anna Golitsyna

Published by M•Graphics | Boston, MA

 www.mgraphics-books.com

 mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

МР, МР, МР

Я называю так свои заметки не только потому, что они о МР — Михаиле Рабиновиче, но и потому, что коты в человеческой транскрипции говорят «мур-мур», а в книге мурлычущей живности хоть отбавляй...

И кто знает, не появится ли по ходу дела еще какая-нибудь интерпретация для МР?

О книге. Это негромкие стихи, которые требуют к себе большего внимания, чем громкие. Именно потому, что ничего не требуют по определению: негромкие — и все тут.

Мне почему-то кажется, что и сам поэт не уделял себе должного внимания, а когда уделил, увидел, что у него свой особый почерк, а значит, он равный среди равных (которых, кстати, не так уж много), и в вопросе «Тварь ли я дрожащая или право имею?» он для ответа может спокойно выбрать вторую часть, при этом не совершая никакого преступления в виде навязывания себя миру.

Не знаю, так ли это было. Исхожу из характера не только стихов МР, но и самого автора, с которым знаком: совершенное отсутствие суетности.

«Осенняя миграция котов...» С переселения котов начинается переселение читателя в мир книги МР. Он двоится, троится и т. д., как и здесь, в начальном стихотворении: есть первый план — на нем располагается летящая кошачья флотилия, пригрезившаяся автору в пределах квартиры, есть второй план — там висит пальто «на складках пустоты», и к легкому сюру добавляется грусть одинокого человека, которым правит «музыка изнутри», и есть третий план — философско-иронический, возвращающий автора с воображаемых небес на землю:

*Себя, бывало, спросишь: «Это ты?» —
а отвечать чего-то неохота,
особенно с небесной высоты.*

Оптика такова, что акценты меняются в зависимости от читательского угла зрения, и третий план порой становится первым, поскольку исподволь звучит одна из главных тем: «А отвечать чего-то неохота».

Она подхвачена уже следующим стихотворением:

*Вот так живем, не понимая, зачем молчим, зачем кричим,
и пролетает птичья стая без объяснения причин.*

Какой-то остроумец придумал, что смысл алкоголя не в том, чтобы найти ответ, а в том, чтобы забыть вопрос. Птицы справляются с этим без алкоголя: летят себе и летят, «без объяснения причин». Парадоксальный смысл все-таки в том, что это и есть ответ. На несуществующий вопрос. Или на вопрос праздный. Потому и «отвечать чего-то неохота».

И хотя «для красоты нам нет ответа на то и это и потом, / для красоты бредет под ветром собака с медленным хвостом», для поэта таким ответом является процесс создания стихотворения. Неважно, что герой задает вопрос: «Быть или не быть?» — Шекспир пребывает в данности своего вдохновения, которое «летит» не вопрошая.

Многое летит в стихах МР — не только коты, но и собаки, и даже «Летит какая пассажирка. / Все едут, а она летит». Конечно, нам вспоминается Хармс с его летящими шариками, и если вы скажете, что шарикам пристало лететь, то я напомню, что в это время в его песенке «люди машут кошками». И правильно делают. Когда все летит, это отражает дикий действительности, при условии, что все летит не к черту, но вслед воображению и во славу проносящимся в голове картинам.

Какое количество существ, лишенных человеческой речи, оживает у МР: воробей, бабочка, пчела, кузнечик, креветка... Какое количество явлений и предметов: дождь, трамвай, чайник... Все одушевлено, все дышит, все очеловечено и согрето под пристальным и нежным взглядом, в том числе знак препинания: запятая.

Иронии вроде бы не присуща нежность, но не в данном — особом — случае.

*...и нежен холод
дыханья строчки, которой нет,
а запятая, уже отдельно,
в пространстве тесном и беспредельном,
начав сначала, как эмбрион,
скрутившись туже, поднявшись выше,
другую строчку зачем-то пишет —
часть разговора, что вне времен.*

Чудесно сравнение запятой с эмбрионом и великолепно-«нежен холд» нарождающейся строки.

Через запятую мы попадаем в мир людей, и оказывается, что ничего не значащие люди и явления жизни в целом, заурядные и проходные, вовсе не таковы. В поле зрения — случайные прохожие: рыжий подросток, женщина с собакой (причем собака ее жалеет — *«ведь та идет с собой не в ряд»*), какой-то небритый мужик, бредущий сдавать прошлогоднюю посуду... Если их что-то и связывает, то подавание руки собаке, но скорее это уже не в поле зрения, а в поле воображения поэта, они становятся множественным числом, потому что *«вращают рыжей головой, посуду старую сдают»*, они становятся неким человечеством, разрозненным и гиблым в своей разъединенности наяву, но собранным и спасенным сначала собакой, а затем и самим стихотворением с последней строкой: *«Запомним их»*.

Почему я должен их запоминать? Кто это говорит?

Это говорит человек, выпавший из автоматизма жизни в паузу своего видения. Вот счастливый случай, когда не надо выбирать в слове «видение» ударение: на первом или на втором слоге? Оба годятся. Первое — очевидно: человек так видит. Впрочем, тогда и второе становится очевидным: если человек видит так, то это уже видение. Но вот что еще: действительность, не обретшая художественного воплощения, распадается, она как бы недействительна. Должно произойти событие встречи, и оно есть некоторое самопожертвование смотрящего, который замер. Остановка.

Вот он сидит, допустим, в метро и отрешенно смотрит на людей. Отрешенно — значит особенно ясно и глубоко, потому что его самого не стало, он превращен во взгляд и себе не мешает. И в это мгновение распад действительности прекращается — и начинается ее восстановление. В видении (как во сне) время способно двигаться в обратном направлении и одерживать победу над энтропией. Этот оптимистический фокус приборами не фиксируется и наблюдению не подлежит.

Но есть стихи, воплощающие сей фокус. В них — печальное разминовение человека с самим собой и с соседями по несчастью, считываемое прямо с первых строк: *«Человек человеку разный...»*, *«В вагоне спят семнадцать пассажиров, а двадцать три читают...»*, *«Разнопольных людей коллектив...»*, *«То больше, чем поэт, то меньше...»*, — но и печаль, и трагизм поданы на тарелочке искусного и остроумного слова: *«Поздняя осень. Грачи улетели весною...»*, *«два сапога пара ходят-гуляют поодиночке»* или вот так:

*Без политического веса,
худой, с прической без затей,
не вызывал я интереса,
казалось, вовсе у людей,
и даже пес чужой породы
скулил, за мною семеня,
все времена и все народы
глядели вскользь, не на меня.
Не отличая день от века,
вздыхая каждый о своем,
четыре разных человека
прошли по улице вдвоем.*

Странность мироустройства есть его сущность. Оно непостижимо, и с этим человек свыкается, бессознательно пытаюсь забыть задачу, не имеющую решения. Но поэт (я возвращаюсь к началу заметок) не тот, кто вопрошает и решает, — он неотъемлемая часть пребывания этой странности, а потому ее со-творец.

Таков мир поэзии МР. Своеобразный, не похожий на миры других со-творцов, не столь кардинально переворачивающий все в абсурд, как это делают обэриуты, когда они ведомы «звездой бессмыслицы», — нет, это мир того, кто воздушным движением (а точнее — остановкой) сдвигает восприятие с обыденных и заезженных путей и ненароком приводит его в соответствие с упомянутой странностью мироустройства.

Я обещал еще одну интерпретацию для аббревиатуры МР?

Даниил Хармс говорит «мир», пытаюсь выйти за пределы разумной человеческой транскрипции, потому что он, по его словам, «смотрел, ища мир, но не находил его». МР идет своим путем и не декларирует неопределимость и абсурдность, но просто, точно, мягко и бережно творит то, что называется словом «мир». МР.

Владимир ГАНДЕЛЬСМАН

*Для красоты бредет под ветром
собака с медленным хвостом*



Осенняя миграция котов,
которой и весной-то не бывает,
заметна всем, кто плохо к ней готов.
Их мало — кот заплакал, но зато
коты летят на юг, собака лает,
и ветер носит, и висит пальто.

Коты летят шеренгою по три
в пределах очертания квартиры,
не видно их, хоть тщательно смотри,
но слышен их движенья нежный ритм
в такт радио, что вечно правит миром,
когда звучит музыка изнутри.

Коты в полете больше, чем коты,
но меньше, чем слоны и бегемоты.
Пальто висит на складках пустоты.
Себя, бывало, спросишь: «Это ты?» —
а отвечать чего-то неохота,
особенно с небесной высоты.



Над лысоватым пассажиром, на станции, почти пустой,
простая бабочка кружила, сияя тихой красотой.
Она покинула свой кокон не для себя, не для него.
Огни из привокзальных окон не освещали ничего.
Вот так кружим без остановки, не разбирая цепь дорог,
а кто-то лысый и неловкий мешок поставил возле ног,
в котором гроздь винограда, неразличимые пока.
Стояла женщина с ним рядом, согнув колено свысока.
Вот так живем, не понимая, зачем молчим, зачем кричим,
и пролетает птичья стая без объяснения причин.
Не отвечая на вопросы, седой рассеялся туман,
и кто-то лысый и раскосый пытался завести роман,
смотрел в глаза и на колено, не видел больше ничего.
Над бесконечною вселенной кружилась бабочка его.

* * *

Обжегшись на молоке, дуют на воды,
гуляют по набережной, встречают даму с собачкой,
любуются силами неясной природы,
плывут вместе на лодочке, упиваются качкой,
возвращаются за полночь, в согласии и мире,
успокаивают собачку, которая лает
А в той, куда нельзя возвратиться, квартире
молоко еще теплое, не остывает.

* * *

Трамвай у этой остановки
звучит иначе, чем у той.
Здесь осторожный он, там ловкий,
а где-то нежный и простой,
почти неслышимый шум лета
трещит в трамвайное окно.
У пассажира два билета,
но он один сидит давно
и отражается в окошке
на трещине под потолком:
там на себя похож немножко
и на того, с кем был знаком.



На полу в подвале, где едва ли свет
промелькнет, вдруг увидел я слабый блик.
За мешком бутылок, у мешка газет
старый чайник к коробке пустой приник,
а к коробке приклеен ярлык.

Крышка чайника цела и носик цел,
как же так — мы до ручки сейчас дойдем,
ведь (как правильно? — сиквел или сиквёл?)
все смотрели за чаем, согретым в нем,
он свистел когда-то, играл с огнем,

он шипел на плите, продолжал ей в такт —
когда плыл к столу, за столом, на столе —
сохранять тепло, и понять-то никак,
что нельзя сохранить, он не мог в тепле,
и видны следы на его стекле,

от огня следы, навсегда. Не всегда
из сиквела сиквел, как за плачем смех,
вытекают. Но есть еще в нем вода —
меж газет и бутылок, на грани вех,
у коробки со знаком «Верх».



Звездное небо августа музыку льет,
дождь отшумел, а сверчки — о своем, о вечном,
мол, бузина в огороде... Такой уж год:
вышел из комнаты только домашний кот,
сделав ошибку — лучше считать овечек.

Август глаголами жжет, да и сам — глагол,
вроде «устал», «не уснуть»... Или он наречие
эллина в песне барда — тот чтит Алгол,
в Киеве дядька живет, а в степи — монгол.
Речи ведут при виртуальной лишь встрече.

Август, устав от июля, сентябрь ждет,
по-человечьи так, что куда сверчку-то.
Жгучую музыку августа небо льет.
Медленно входит в комнату мокрый кот:
мартовским был — а уже октябрем окутан.



Стучится вечными словами
в окно осенняя вода,
и если б кот читал трактаты —
хвостом бы листья помечал.
На подоконнике вселенной
проснулся рано и урчит
и расставляет запятые
в диктанте хмурого дождя.
Недоразбуженные люди
не пошевелият пальцем уж:
коту не свойственна тактичность,
когтистость свойственна коту.



Бесконечный дождь поливает лужи,
стены комнат, где телевизор вечен.
У одних открыто вино на ужин,
а другие вышли в холодный вечер.
Дождь затих немного — и все сначала:
он идет и в двери стучит и в окна,
как герой английского сериала,
что людей не чтит, но хороший доктор.



Жестокий кузнечик застыл, невесом,
он смотрит на небо — далекое, белое.
Со мной он знаком, но не близко знаком,
мы лишь на траве вместе с ним отобедали.

Ему бесконечности нежный оскал
сквозь заросли листьев заметен едва ли, но
его собеседник уже ускакал —
осталась травинка, что светом придавлена.

Жестокий кузнечик напомнил о том,
как все мимолетно, торжественно, слаженно.
Со мной он знаком, но не близко знаком,
мы лишь на Земле вместе с ним... Ну куда же ты?!



Рождается малыш креветки из глубины на этот свет,
где ветер шепчет каждой ветке, куда ей двигаться, совет.
Привет, кревет! В былые годы Земля крутилась без тебя,
другому адресату оды слагали, мысли теребя,
поэты, повара, повесы, — но в этот миг, почти незрим,
ты представляешь интерес и проснулся под пером моим.
Плывешь на спинке, будто брассом, храня движеньями хвоста
природы целесообразность, — но в мире есть и красота.
Для красоты гудит автобус, октопус в иле весь увяз,
и школьник крутит гладкий глобус, уча рельефы не сейчас,
для красоты нам нет ответа на то и это и потом,
для красоты бредет под ветром собака с медленным хвостом.



Можно кошке отдать приказание «фас!»,
можно крикнуть «кругом и налево!» —
все равно она, как королева,
невнимательно смотрит на вас.
А ведь день удивительный: в каждом кусте
безмянные скачут герои,
и коровы в полях про надои
говорят, что они уж не те,
и поэту поэт скажет правду навзрыд:
«Я не Пушкин — и ты не Херасков»,
мазохист к мазохисту так ласков,
что у них ничего не болит.
Часть природы, что занята желтым листом,
и другая, где люди в трамвае,
сочетаются рифмой едва ли,
но, быть может, сочтутся потом,
нет, не славой — пусть вся президентская рать
с королевскою конницей вместе
крикнет «фас!» кошке — лучше поесть ей,
а потом, как и рати, поспать.
Этот день удивительный чуден, но быстр:
все уснут — мазохист, и корова,
и не Пушкин, но все ж мастер слова,
и в трамвай залетевший вдруг лист.

* * *

воробей воробушку говорит
человек человеку не чик-чирик
измеряй расстояние в проводах
песнь за песней за нотой другое но

заплати хоть чирик хоть ничего
это игрек икс его не нашел
разделив как площадь пи эр квадрат
видишь эти спины людей внизу

не корми лишь волка самим собой
будь всегда расстояние раздели
видишь эти души людей вверху
там где неба площадь пи эр квадрат



Птица, парившая в небе, упала рядом,
сердится, милости просит, стучит, тревожит.
«Словом меня ты поймал — отпусти хоть взглядом,
я улечу», — говорит. Но взлететь не может.

«Ради тщеславья, презренного лайка ради,
вне всех учений и все позабыв науки,
ты про меня написал у себя в тетради,
тени полета ты выставил на фейсбуке.

То, что опишешь, не станет твоим, однако
я улечу, — говорит и подходит к краю. —
Кошка свернулась в клубок и рычит собака,
словно живые они, — а я улетаю».

И к облакам, подчиняясь печатным знакам —
тем, что стучатся, что радуют и тревожат,
кошка со стаей летит, и летит собака,
только упавшая птица взлететь не может.



Из строчки — нервной, темной, протяжной,
не электронной и не бумажной,
не из чернил и не на песке,
вдруг сорвалась одна запятая —
та, что устав и почти растаяв,
все же осталась — рука в руке,
под неразжатой мокрой ладонью,
хоть отпусти — в реке не утонет,
не разобьется о серп луны,
есть продолжение — это ж не точка, —
но никогда ведь не знаешь точно,
ответ восторжен или уныл,
а запятая как запятая,
перечисленья соединяя,
пересечения, тьму и свет,
слова и числа и серп и молот,
дрожит и жжется, и нежен холод
дыханья строчки, которой нет,
а запятая, уже отдельно,
в пространстве тесном и беспредельном,
начав сначала, как эмбрион,
скрутившись туже, поднявшись выше,
другую строчку зачем-то пишет —
часть разговора, что вне времен.



В детской книжке — эскиз без слов.
Телевизор кричит вполсилы —
всех теперь туда занесло,
куда раньше не заносило,
и не первым легким снежком,
что дорогу делает влажной,
а событий тяжелых ком
тяжелее с минутой каждой.
Невесом лишь воздушный шар:
отражаясь в земном, в небесном,
он дрожит в руках малыша,
как и тот, еще бессловесный.

* * *

Мгновенья шумные не в рифму.
Передо мной закрыта дверь.
Но я тогда вошел в другую.
Автобус дернул колесом.
От расписанья отставанье
ты сам не должен отличать.
Летит какая пассажирка.
Все едут, а она летит.

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Гандельсман. МР, МР, МР 9

Для красоты бредет под ветром собака с медленным хвостом

«Осенняя миграция котов...»	10
«Над лысоватым пассажиром, на станции, почти пустой...»	11
«Обжегшись на молоке, дуют на воды...»	12
«Трамвай у этой остановки...»	13
«На полу в подвале, где едва ли свет...»	14
«Звездное небо августа музыку льет...»	15
«Стучится вечными словами...»	16
«Бесконечный дождь поливает лужи...»	17
«Жестокий кузнечик застыл, невесом...»	18
«Рождается малыш креветки из глубины на этот свет...»	19
«Можно кошке отдать приказание „фас!“...»	20
«воробей воробушку говорит...»	21
«Птица, парившая в небе, упала рядом...»	22
«Из строчки — нервной, темной, протяжной...»	23
«В детской книжке — эскиз без слов...»	24
«Мгновенья шумные не в рифму...»	25
«И женщина с янтарным мотыльком...»	26
«Тикает диск не в своей тарелке...»	27
«Оборотная сторона „увы“, оборотная сторона „увы“...»	28
«новогодний человек...»	29
«Кислые потрескались слова...»	30
«Радостного мира отражение...»	31
«Трудно рыбе сыграть насекомое...»	32
«Кто открывает день? Деревья, и прохожий...»	33
«Вода становится теплой...»	34
«Этот мир нельзя удержать в ладони...»	35
«У кошки нет национальности...»	36
«Солнце медленно садится за соседний магазин...»	37
«Эти долгие ожидания...»	38
«Расписание полетов...»	39
«пораньше уложить детей спать...»	40
«Мед или медь? — разобраться легко...»	41
«Бутылок звяканье и крики не о том...»	42
«Музыкант не свое отыграл...»	43
«Пейзаж, наполненный рекой...»	44
«День разбит на время суток...»	45
«Поражен пропажей попугая...»	46

Четыре разных человека прошли по улице вдвоем

«Сочинитель мыслей, философ, шут...»	48
«Уж лучше б человек считал ворон...»	49
«Библиотекарь вывел лабрадора...»	50
«Подросток нервный и прыщавый...»	51
«По сильно выгнутой кривой...»	52
«Водопроводчик трубы чинит...»	53
«Продавец воздушных шариков...»	54
«Человек стоял под облаками...»	55
«У завскладом много в мешках печенья...»	56
«Не любит запаха духов он...»	57
«Хмурое небо повисло над хмурой землей...»	58
«На землю заплатив налоги...»	59
«Торжество мокрых дней над сухими...»	60
«Походкой неразборчив...»	61
«Воспета медленными танцами...»	62
«Допустим, что картина непростая...»	63
«В поезде — ну и фрукты...»	64
«Человек шагает в клетчатой рубашке...»	65
«Мальчик, двигаясь по кривой...»	66
«По снегу, тающему тихо...»	67
«У ученого почтенного...»	68
«Обходит владения мыслей...»	69
«Время сейчас такое, что лучше на часы не смотреть...»	70
«Человек человеку — разный...»	71
«Похолодала природа, выпал на голову снег...»	72
«Поздняя осень. Грачи улетели весной...»	73
«Рыжий идет на лыжах...»	74
«В вагоне спят семнадцать пассажиров...»	75
«Разнополых людей коллектив...»	76
«Жители далеких планет...»	77
«То больше, чем поэт, то меньше...»	78
«Утренний поезд идет то быстро, то медленно...»	79
«Меня не любит критик Топоркова...»	80
«Покупаю сегодня утром газету „Нью-Йорк пост“...»	81
«Арбатова гуляет по Нью-Йорку...»	82
«Я прочитал три пьесы Гришковца...»	83
«Время сейчас такое, что лучше на часы не смотреть...»	84

Кому-то надо быть енотом, кому-то нужен он, енот

«Писатель Кугель-Косых, когда роман свой писал...»	86
«Шило в мешке ли, в саду ль бузина, в мельнице мыло...»	87

«В магазине высоко — огурцы...»	88
«Если бы я был зеленым крокодилом...»	89
«„Картошки больше нет, — сказал завхоз...»	90
«Плавают в речке две разные рыбы — карась и щука...»	91
«Ветер — пустой и плоский...»	92
«Конькобежец бежит по дорожке...»	93
«Избрать такого президента...»	94
«Не пишут о Монголии газеты...»	95
«Уже написан Вертер, Пиноккио украден...»	96
«Лев Николаевич Толстой...»	97
«Был такой кандидат в президенты — Перо...»	98
«Покорно к отдыху готовый, закрыв уютный кабинет...»	99
«Я написал плохой рассказ и слабое стихотворенье...»	100
«Бузина не в огороде, а у дядки в голове...»	101
«В час сомнений и томленья духа...»	102
«Нескончаемым лыком в бесконечность веков...»	103
«Обычно ведь как у людей происходит — полюбить все человечество сразу, в целом...»	104
«Я иду себе, иду...»	105
Рэповое	106
«Я прищурился, гляжу — Пушкин...»	107
«Темна бывает жизнь, грустна весьма...»	108
«Надел на брюки пояс — и держатся они...»	109
«Где проходит граница между мною и мной...»	110
«Когда над далекой Землею...»	111
«Хоть и пользы от этого нет никакой...»	112
«На границе тихо и светло...»	113
«В пути от дома до работы, в цепочке жизненных забот...»	114
«Хоть президент не волк...»	115
«Чья б корова мычала...»	116
«Это кто там щебечет по-птичьему...»	117
«Предлагаю избрать в президенты кота...»	118
«Выйдешь ли лесом в поле, станешь ли в ряд к станку...»	119
Пирожковая.	120
«И такую злою любовь была...»	122

Дайте мне, что ли, справку, что счастья на свете нет

«Помню брызги на лицах и тень на весле...»	124
«Вечер, покинутый людьми, называется ночь...»	125
«„Скагерть, радость, благодать“ — я любил когда-то Кушнера...»	126
«Помню физкультурный зал Строительного института...»	127
«Хоть темно за далеким окном...»	128

«Кинозал был пуст, и дрожал кинжал...»	129
«Пряники, ромашки, ледоруб...»	130
«Кто воспевал пленительный закат...»	131
«Я помню, когда Леонард Пелтиер...»	132
«Уже прошла не только юность...»	133
«Трудных слов правописание забывается уже...»	134
«Мы встретились когда-то на углу...»	135
«Помню надпись на ларьке: „Пива нет, ушла на базу“...»	136
«На небе звездочка качается...»	137
«Сосчитай меня до одного...»	138
«Цветы, парившие в июле...»	139
«Встанешь не с той ноги...»	140
«Утро, как обычно, встречаете вдвоем: ты и ночь...»	141
«Чайник кипит под закрытою крышкою...»	142
«Меж четвергом и четвергом...»	143
«Пока еще осталось восемь нот...»	144
«Забанить себя и уйти в лес густой...»	145
«Нет, не только под землю есть вагончики метро...»	146
«Назову себя Пантелеймон...»	147
«То не лошадь копытами в поле...»	148
«Я научил котов не говорить...»	149
«Залетной птичке я потрафил — и...»	150
«У страха глаза велики...»	151
«Научи меня, Спектор, не играть на гитаре...»	152
«Я сидел за ученым трактатом...»	153
«Еще заметны опечатки...»	154
«Кто наверх в буре славы стремится...»	155
«Соловьи улетают в иные места...»	156
«Человек понимает, что жизнь ведь прекрасна, когда...»	157
«Я побрился опасною бритвой...»	158
«Солнце щечочет травку, светит на красный цвет...»	159
«Проснулся. Жизнь не удалась...»	160
«Был молод я, выбрит и вымыт, задорного полон огня...»	161
«Двух коров — одну божию...»	162
«Выглядеть на свой возраст или хотя бы на свой пол. На свои деньги...»	163
«Поздний ветер, исчезнув в морщинах реки...»	164



Михаил Рабинович — прозаик и поэт, в доэмигрантской жизни инженер, в США, естественно, программист. Это его вторая поэтическая книга. Первая — «В свете неясных событий» — вышла в Одессе в 2007 году. Стихи и проза публиковались во множестве журналов и альманахов СССР, России, Украины и США, широко представлены в интернете.

ISBN 978-1-960533-41-8



9 781960 533418